

УДК 81-112:811.161.1

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО
С КОРНЕМ *МХР- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Захарова Ю.Г., Мельниченко Е.В.

В статье определяются понятия этимологического гнезда и семантической эволюции в истории русского языка. Рассматривается соотношение терминов "словообразовательное", "лексическое", "корневое", "этимологическое гнездо". Дается комплексное описание некоторых лексем, восходящих к этимологическому гнезду с корнем *mхr-. При анализе семантической структуры слова "смерть" в диахронном аспекте применяется метод семантического поля. Представлена типология семантических сдвигов в лексемах гнезда (гиперо-гипонимические, девиационные, тропеические).

Ключевые слова: этимологическое гнездо, лексическое гнездо, словообразовательное гнездо, семантическая эволюция, синхронно-диахронный анализ, энантиосемия.

**ETYMOLOGICAL NEST WITH ROOT *MXR-
IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Zakharova J.G., Melnichenko E.V.

The article defines the concepts of etymological nest and semantic evolution in the history of the Russian language. The authors consider the correlation of the terms 'word-formation', 'lexical', 'root' and 'etymological nest'. They also give a complex description of some lexemes going back to the etymological nest with the root *mхr-. The method of semantic field is applied in the analysis of semantic structure of the word 'death' in diachronic aspect. The article presents a typology of semantic shifts in the lexemes of the nest (hyper-hyponymic, deviation, metaphorical).

Keywords: etymological nest, lexical nest, word-formative nest, semantic evolution, synchronous-diachronic analysis, enantiosemy.

В последнее время актуальными становятся работы, направленные на рассмотрение исторических корневых гнезд как целостных единиц исторической лексикологии с присущими им различными процессами. Однако, как отмечает И.Е. Колесова, принципы структурной организации слов исторических корневых гнезд и происходящие в них семантические процессы изучены недостаточно [5, с. 5]. Нет и целостных монографических исследований по изучению одного конкретного исторического корневого гнезда, как нет специального исследования, где производные с корнем *mхг- были бы представлены комплексно, в составе одного этимолого-словообразовательного гнезда в синхронно-диахронном аспекте, с точки зрения их развития, изменения, современных связей. Материалом для настоящего исследования послужили лексемы, восходящие к общеиндоевропейскому корню-инварианту *mхг- (где х – обозначение чередующегося гласного), извлечённые с помощью метода сплошной выборки из этимологических и исторических словарей.

В лексикологии разграничивают два подхода при изучении словарного состава языка: синхронный и диахронный. В синхронном подходе сближаются понятия «лексическое» и «словообразовательное» гнездо, так как при этом подходе лексическое гнездо рассматривается как совокупность слов одного корня, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной структуры. Словообразовательным гнездом называется совокупность однокоренных слов, связанных отношениями словообразовательной и семантической мотивации. Два и более словообразовательных гнезда могут объединяться в корневое гнездо. Корневым гнездом называют такую совокупность однокоренных слов, в которую входят не менее двух словообразовательных гнезд. Их вершины – слова со связанными корнями, утратившими семантическую близость на синхронном уровне языка, но сохранившие связи в глубине своей структуры. Деэтимологизация приводит к утрате лексических единиц словообразовательного гнезда, к полному распаду

гнезда или переходу его к корневому из-за разрушения смысловых и словообразовательных связей внутри самого гнезда.

Диахронный подход учитывает изменения, происходившие в лексическом гнезде на протяжении всей истории его развития, и лексическое (словообразовательное) гнездо становится гнездом этимологическим. Говоря об этимологическом гнезде, подразумеваем такую группу слов, которая включает в себя все генетически связанные друг с другом слова, когда-либо существовавшие в языке на протяжении всей его истории, и иерархически выстроенные. В этимологическое гнездо входят слова, принадлежащие разным словообразовательным гнездам и утратившие со временем смысловую (семантическую) общность. «Словообразовательное гнездо, – пишет И.А. Горбушина, – это та часть этимологического гнезда, между словами которой сохранены синхронные мотивационные связи» [2, с. 8].

Иногда в процессе исследования семантики разных этимологических гнезд в срезе нескольких исторических периодов функционирования языка обнаруживается логическая связь в значениях вершин гнезд. Семантический ряд, образуемый этими вершинами, имеет общие смысловые компоненты (семы). Ряд нескольких этимологических гнезд с вершинами, в которых реализуется общий смысловой компонент, Н.В. Пятаева предлагает называть генетической парадигмой, объясняя это синкретизмом значений древних корней, к которым восходят вершины гнезд [9]. Появление понятия «генетическая парадигма» свидетельствует о том, что в исследовании лексического состава языка существуют системные объединения, большие, чем этимологическое гнездо.

Анализ структуры этимологического гнезда и истории его формирования напрямую связан с исследованием семантики слов, входящих в состав гнезда. Исследованию семантики посвящены многие работы отечественных и зарубежных ученых. В изучении семантики слов ученые также придерживаются динамического подхода, т.е. совмещения синхронического и диахронического направлений с целью системного описания явлений языка.

Е.М. Маркова в работе «Типология конвергентно-дивергентных отношений единиц праславянского лексического фонда в русском языке» [6] подчеркивает важность синхронно-диахронического рассмотрения единиц лексического фонда праславянского периода в русском языке. Данный подход позволяет углубиться в понимание образа мира славянами, увидеть картину расхождения между русским и другими славянскими языками в использовании праславянского наследия, обнаружить некоторые причины возникновения межъязыковых различий. Е.Э. Бабаева говорит о необходимости последовательного сближения синхронных и диахронных семасиологических исследований. Она объясняет это тем, что «биография» слова невозможна без предварительного «портретирования», а объяснение особенностей функционирования слова на каждом синхронном срезе может быть обогащено, если учитывать его «биографию» [1, с. 94].

Корень *mχr- – один из самых древних корней в русском языке, он имеет индоевропейское происхождение. Это подтверждает наличие слов с данным корнем во всех древних и современных индоевропейских языках. Корень представлен пятью фонетическими вариантами, отражающими протославянское количественно-качественное чередование гласных: *mer-, *mьr-, *mor-, *mir-, *mar. Таким образом, этимологическое гнездо с корнем *mχr- представлено пятью вершинами. При описании истории этимологического гнезда с древним корнем целесообразно придерживаться следующей схемы:

1. Опираясь на материалы толковых словарей, выявить в современном русском языке слова, в составе которых есть индоевропейский корень *mχr-.

2. Используя материалы исторических, этимологических, диалектных словарей, обнаружить утраченные современным русским языком лексемы с этими корнями.

3. Выявить ближнюю этимологию слов с корнем *mχr-.

4. Выявить дальнюю этимологию слов с корнем *mχr- на материале а) других славянских языков; б) неславянских индоевропейских языков;

5. Выявить исконное значение корня (определяется по наличию архисемы).

6. Выстроить этимологическое гнездо с данным корнем в русском языке. При выстраивании этимологического гнезда следует учесть, что в него войдут не все лексические единицы, а главным образом те, которые претерпели определенные семантические изменения или устарели, имеют диалектный характер.

7. Описать семантическую эволюцию отдельных слов гнезда в русском языке.

*Этимологическое гнездо
с корнем *tɣr- в русском языке*

Микрогнездо *mer-						
Праславянская корневая вершина	Праславянская форма производящего слова	Производящие в древнерусском языке	Производные (1-я ступень)	Производные (2-я ступень)	Производные (3-я ступень)	
*mer-	*mertī	мерети (мръти)	умереть	-	-	
			замереть	-	-	
			обмереть	-	-	
			вымереть	-	-	
			отмереть	-	-	
		мърлый	мерлуха	мерлушка	мерлушечник	мерлушчатый
				мерлиный	-	-
				мерлуший	-	-
				мерлушник	-	-
				мерлок	-	-
				мерлятина	-	-
		мерлица	-	-	-	
		Микрогнездо *mьr-				
мьr-	*mьrьть (*mьrьть)	съмьrьть	смертельный	смертельно смертельник смертельность	- - -	
			смертник	смертничество	-	
			насмьrьть	-	-	
			смертоносный	смертоносность	-	

			смертный	смертно смертность смертный (сущ.)	- - -
			бессмертный	бессмертность бессмертие бессмертник обессмертить	- - - обессмертиться
			посмертный	посмертно	-
			предсмертный	предсмертно	-
			смертоточный	-	-
		мъртвыи	мертвель	-	-
			мертво	-	-
			мертвенный	-	-
			мертвец	мертвечина мертвецкий	- мертвецки
			мертвель (кал. «мертвец»)	-	-
			мертвить	умертвить	умерщвлять
			мертвяк	-	-
			мертвость	-	-
			мертвизна	-	-
Микрогнездо *mor-					
*mor-	*moriti	морити	уморить	умора уморительный	- -
			заморить	-	-
			сморить	-	-
			изморить	измор	измором
			морилка	-	-
			морильщик	-	-
		мор	моровой моркий морливый морный мориха (вост. «томительный зной»)	- - - морно -	
		мора	Морена Морана	- -	
	*morjos	море	морцо (астрх. «большое соленое озеро»)	-	-
			моряна	морянить	-
			моряный	моряно	-
			мористый	мористость	-
Микрогнездо *mar-					
*mar-	*mara	мара марь	марить	-	-
			марный	марно	-

			марливый	-	-
			марчивый	-	-
			марево	-	-
Микрогнездо *mir-					
*mir-	*mirati	умирати	-	-	-
		замирати	-	-	-
		обмирати	-	-	-
		вымирати	-	-	-

Известно, что слова с корнями мер-, мър- и др. параллельно развивались в славянских языках. В современном русском языке в связи с историческими фонетическими процессами вариант корня с редуцированным не сохранился. Слова с корнем мер- представлены в языке в большом количестве. Они могут принадлежать бытовой и религиозной лексике.

Словарь И.И. Срезневского отмечает наличие трех вариантов глагола с корнями мер-, мър- в древнерусском языке – *мърети*, *мерети* и *мрети*, известных с XI века. Этим глаголам родственны многие современные русские глаголы совершенного вида, выражающие различные оттенки действия при помощи морфем: *умереть* «перестать существовать», *замереть* «стать неподвижным, перестать двигаться», «затаить дыхание», *вымереть* «исчезнуть как вид», *помереть* (прост., диал.) «то же, что умереть», *обмереть* «застыть, оцепенеть под влиянием сильного чувства, потрясения», *отмереть* (о части организма) «омертветь, утратить жизнеспособность», перен. «постепенно перестать существовать» и др. В северодвинских, пермских, свердловских, тобольских, томских диалектах за лексемой *мереть* закрепилось значение «голодать, ослабевать» [14, с. 101].

Общеславянское слово *мереть* со значением «умирать» имеет аналоги в других славянских языках и родственно украинскому *мерети*, *мерти* болгарскому *мра* «умирать», македонскому *мрее* в значении (поэт.) «гибнуть, погибать, изнывать», сербохорватскому *мријети* «умирать», словенскому *mrěti*, *mrèt* «умирать; стремиться, тосковать», чешскому *mřiti* «умирать, чахнуть», словенскому *mrēt'* «умирать; тосковать, тужить; чахнуть, таять», польскому *mrzeć* «умирать». Праславянское **merti* родственно литовскому *miřti*

«умирать», латышскому *miŗt*, древнеиндийскому *máratī* «умирать», авестийскому *miryeite*, латинскому *morior*, *morí*, готскому *maurbr* «убийство», немецкому *Mord* [14, с. 101-102]. Таким образом, исконное значение корня мер- и его вариантов – «прекращение жизни», это значение является базовым и в современном русском языке.

Рассмотрим примеры семантической эволюции отдельных слов, представляющих интерес в отношении динамики значений. По данным этимологических словарей русского языка, слово *смерть* известно с древнерусской эпохи XI в. в форме *сьмьрть*. Оно образовано путем присоединения приставки *сь-* со значением «свой, хороший» (по аналогии со словами *смирный*, *счастье*, *свобода*) к существительному **мьрть* «смерть», в свою очередь, производного с суффиксом *-ть* от того же глагольного корня, что в словах *мереть*, *мертвый*.

Историю развития слова хорошо видно в структуре его этимологического гнезда. От существительного *сьмьрть* в древнерусском языке образовано с помощью суффикса *-ьн* прилагательное *сьмьртьньи*, в современном русском языке имеющее значения «относящийся к смерти», «подверженный смерти», перен. «человек». В церковно-религиозной сфере в составе устойчивого сочетания *смертный грех* это слово приобрело значение «непрощенный, погубляющий душу»: *смертный грех* – «всякое прямое и сознательное нарушение заповедей Божьих» [4, с. 234].

Все лексические единицы в словообразовательных цепочках внутри гнезда с вершиной *смерть* сохранили в своей семантической структуре интегральную сему «прекращение жизни». Однако в ряде слов шло развитие дифференциальных сем и образование переносных значений.

В.И. Даль выделяет у лексемы *смерть* в отношении человека значения:

– бытовое – «кончина», «состояние отжившего»;

– церковное – «разлучение души с телом», «воскресение», «переход к вечной духовной жизни», «конец земной жизни», «конец плотской жизни»: *Человек рождается на смерть, а умирает на живот, на жизнь*;

– мифологическое – оно проявляется в персонификации – представлении в виде живых существ отвлеченных понятий: «под видом человеческого остова, с косою и склянками; суеверные видят ее в разных образах, костяком в саване, костлявым стариком, старухой, оборотнем»: *Смерть за порогом. Смерть на носу. Смерть на пядень. Хватился монах, когда смерть в головах!* [4, с. 233].

Персонификация – это олицетворение, представление какого-либо отвлеченного понятия в образе лица, в образе человека. Персонификация была свойственна древним славянам: непонятные явления жизни, такие как смерть, рок, судьба, болезнь и другие представлялись в виде разнообразных существ, наделенных определенным сознанием или выполняющих определенные функции в жизни человека.

Н.И. Толстой в энциклопедическом словаре «Славянские древности» говорит о том, что «смерть является ключевым концептом традиционной картины мира и противопоставлена концепту жизни и рождения <...> Тема и мотив смерти разрабатываются в ритуале, верованиях, фольклоре, искусстве всех славян» [11, с. 58].

Про смерть животного или растения В.И. Даль пишет:

– «конец бытия его», «возвращение жизненных сил его в общий источник», «разложение плоти его», «отделение от него растительной силы», «поступление его во власть законов неживой природы».

Таким образом, только в отношении к человеку в семантике слова *смерть* можно обнаружить противоположные значения: «смерть» и «новая жизнь», «конец физического существования» и «начало новой, вечной жизни». Совмещение в семантической структуре слова обыденного и церковно-религиозного значений привело к энантиосемии.

Устойчивые сочетания со словом *смерть* в русском языке содержат различные коннотативные семы: «избавление от страданий» – *Лучше смерть, нежели зол живот, Бога прогневишь – и смерти не даст*; «отсутствие страданий» – *легкая смерть*, «естественный характер» – *умереть своей*

смертью; «преждевременный характер» – умереть *внезапной (наглой) смертью* и др. [4, с. 233].

При адвербиализации у слова *смерть* развиваются экспрессивные наречные значения: «очень», «сильно», «больно», «крепко», «ужасно»: *Я смерть пить хочу; Я смерть боюсь пчел; Смерть люблю раков*. На базе этих значений в производных от *смерть* прилагательных *смертный* и *смертельный* сформировалось коннотативно окрашенное значение «очень сильный, крайний (о чем-нибудь отрицательном, неприятном)» [8].

Современные словари отражают еще одно переносное значение: «конец», «полное прекращение какой-либо деятельности» – *политическая смерть*.

Семантическую структуру лексемы *смерть*, рассматриваемую в диахронии, можно представить в виде поля. «Состояние» – это наиболее общее значение для лексемы *смерть*, связывающее все остальные значения, поэтому его можно принять в качестве ядерной архисемы. В центре поля – значение «прекращение жизни» и производное от него значение «конец чего-либо», свойственные литературному языку и функционально не ограниченные. На периферии расположены функционально ограниченные значения: значение «очень, сильно, крепко, ужасно» ограничено разговорно-бытовой сферой, «переход к вечной жизни» – религиозной, «персонифицированный образ» – мифологической.

В семантической эволюции слова *смерть* можно наблюдать разные типы сдвигов значений (термины Е.Б. Никифоровой [7]):

– гиперо-гипонимический – исконное значение слова *смерть* – «естественная, своя смерть» является гипонимическим по отношению к значению «прекращение жизни»;

– тропеический – наблюдается между значениями «конец жизни» – «конец деятельности» (новое значение возникло путем метафорического переноса); «конец жизни» – «мифологическое существо» (новое значение сформировалось путем олицетворения);

– девиация – отклонение от первоначального значения и формирование нового на базе гиперсем. Этот тип можно увидеть в паре «конец жизни» – «очень, сильно, крепко», новое значение сформировалось на основе сем «состояние», «конец», «предел». Подобные отношения наблюдаются между значениями «прекращение жизни» – «воскресение, переход к вечной жизни». Религиозное значение развивается на базе гиперсемы «конец», «предел».

Прилагательное *мерлый* фиксируется в Словаре В.И. Даля со значениями «умерший, мертвый,дохлый, палой»: *Обдирать мерлую скотину* [3, с. 319]. В русском языке было несколько производных от этого прилагательного: *мерлок, мерлица, мерлятина, мерлуха* – «шкурка палой овцы», «ныне и вообще ягнячья шкурка». От *мерлуха* было образовано существительное *мерлушка*: *Лучшую мерлушку попу на опушку*. Производными от *мерлуха* (*мерлушка*) являются прилагательные *мерлуший, мерлушковый, мерлушчатый, мерлиный* – «сделанный из мерлушек», а также существительные со значением лица *мерлушник, мерлушечник* – «тот, кто торгует мерлушками» [3, с. 319].

В русском языке слово *мерлушка* известно с начала XVII века, однако его происхождение неясно. Рядом ученых слово считалось заимствованным из других языков, так как не встречается в других славянских языках, кроме болгарского, куда, по-видимому, оно пришло из русского языка. Так, М. Фасмером трактуется как «барашковая шкурка» и соотносится с румынским *mielusă* «ягненок». Также есть предположение относительно родства с французским *merlut* – «невыделанная, высушенная шкура» [12, с. 605].

П.Я. Черных относит слово к исконно русским и связывает с *мерлый* «мертвый», того же корня, что *мереть, смерть, мертвый*. Вероятно, – указывает П.Я. Черных, – «изначально это название относилось к преждевременно родившимся, мертворожденным ягнятам» [13, с. 525].

Именно материал словаря В.И. Даля позволяет считать эту версию вполне оправданной: в нем отмечается связь значения слова с семой «смерть» («шкурка палой овцы») и приводится ряд слов, несомненно, производных от отглагольного прилагательного *мерлый*, а не от какого-либо заимствованного

слова: *мерлок* – существительное, образованное от *мерлый* с помощью суффикса -ок, *мерлица* – с помощью суффикса -иц, *мерлятина* – с помощью суффикса -ятин (ср. *дохлятина*).

Словообразовательное гнездо с вершиной *мертвый* в значениях «безжизненный», «кончивший жить», «лишенный признаков жизни» восходит к общеславянскому *mьrtvъ, *mьrtvъjь.

В.И. Даль дает следующие значения для слова *мертвый*:

- прямое – «мертвый, лишенный жизни, умерший»; «бездыханный, безжизненный, покойник»,
- метафорическое – «человек невозрожденный, недуховный, плотский или чувственный»; «похожий на мертвого».

Переносное значение «похожий на мертвое» легло в основу устойчивых сочетаний: *мертвое лицо*, *мертвый цвет* – «бледность»; *мертвая тишина* – «без единого звука»; *мертвый лес* – «сухой на корню»; *мертвая пора* – «когда все тихо, например, нет торговли»; *пить мертвую чашу* – «без памяти»; *мертвый язык* – «язык, которым ни один из нынешних народов не говорит»; *мертвый капитал* – «капитал, не приносящий доходу»; *мертвая вода* – «вода стоячая».

Особенно интересна история фразеологизма *мертвая вода*. Согласно народным славянским представлениям, воде приписывались магические свойства. Н.И. Толстой про значимость воды у славян говорил, что она «в народных представлениях – одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения <...>, граница между тем и этим светом, путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших» [10, с. 386]. Со свойством умершего «переселяться в воду» связан ряд запретов, суть которых сводится к тому, что всю воду в доме, где умер человек, следовало вылить, и даже ту воду, мимо которой прошла похоронная процессия. На русском севере, напротив, воду ставили рядом с умирающим, и по ее колыханию определяли, вышла ли душа из тела в воду. Н.И. Толстой также отмечает, что символика воды связана не в последнюю очередь с

мифологическими представлениями славян о воде как о «чужом», опасном пространстве. В сознании людей воплотилась двойственная природа воды как оздоравливающей и смертоносной стихии [10, с. 386].

В мифологических, фольклорных представлениях древних славян отобразилась оппозиция «живая» – «мертвая вода».

В древнерусском языке «живая вода» – это родниковая, «текучая» вода в противопоставлении с «мертвой водой» – спокойной, неподвижной.оборот *мертвая вода* считается исконно русским, в отличие от многих кáлек с прилагательным *мертвый*, таких как *мертвая точка*, *мертвый груз*.

Таким образом, в семантической эволюции слова *мертвый* можно видеть тропеический сдвиг значения, который наблюдается между значениями «безжизненный физически» – «бездуховный, бесчувственный» (новое значение возникло путем метафорического переноса на основе сходства по качеству); «неживой» – «похожий на мертвого» (новое значение сформировалось путем метафорического переноса на основе сходства по производимому впечатлению); в словосочетании *мертвая вода* в значении «стоячая» развивается дополнительное переносное значение – «исцеляющая вода» как отражение мифологического сознания древних славян.

Поскольку *мертвой* называли воду стоячую или сточную, можно предположить, что слово *more* у древних славян могло быть связано изначально с корнем мор-, таким же, как в словах *мор*, *измор*, *морить*. Ряд славянских и других индоевропейских языков наряду с основным значением «море» сохранил за лексемой *more* значение «озеро», например, древнеготское *marisaiws* «озеро», древненемецкое *meri* «озеро», словенское – «большое озеро», старопольское *morze* «озеро», сербохорватское диалектное *mōgo* «озеро» и другие [15, с. 227]. Опираясь на данные этимологических словарей, можно сделать вывод, что древнее значение лексемы *more* – «водоем со стоячей водой». На наш взгляд, это значение не было первичным, а появилось в результате тропеического сдвига: «мертвое» – «неподвижное, стоячее (похожее на мертвое)». Далее развитие значений шло путем гиперо-гипонимических

изменений: «водоем со стоячей водой» – «море»; тропеических: «большой водоем» – «большое пространство чего-либо», «море».

В качестве выводов отметим, что лексическое гнездо рассматривается в лингвистике в синхронном и диахронном аспектах, поэтому оно может пониматься как совокупность словообразовательных гнезд с позиции синхронии и этимологическое гнездо с позиции диахронии. Этимологическое гнездо предстает как переходный этап, «мост» между двумя состояниями языка: современным и историческим.

Целесообразно говорить о динамическом подходе к изучению структуры лексического гнезда, который включает в себя рассмотрение вопросов с позиций синхронного и диахронного аспектов.

В этимологических исследованиях последних десятилетий широко развит системный подход. Учитываются не только формальные признаки развития слова, но и развитие значений внутри гнезда этимологически родственных слов и условия их возникновения и функционирования на разных этапах развития общества. Поэтому при анализе этимологического гнезда современными лингвистами используется семантический критерий.

В этимологическом гнезде с инвариантной корневой индоевропейской вершиной *mhr- сохранились не все лексемы, так, русским языком утрачен неполногласный глагол *мрети*, отглагольное прилагательное *мерлый* (генетически являющееся «элевым» причастием), утрачены и почти все производные от него. Во всех славянских языках не сохранился глагол *mirati, давший много производных. Некоторые лексемы гнезда ушли в пассивный словарный запас, но остались производные от них. Из пяти вершин в русском языке ни одна не была утрачена, но их продуктивность в подгнездах различается. Самые непродуктивные – вершины *mer-, *mar-, *mir, наиболее продуктивными оказались вершины *mьr-, *mor. От них в русском языке образовано наибольшее количество производных.

В развитии семантической структуры лексем гнезда обнаруживаются все типы сдвигов значения: гиперо-гипонимический, девиационный и

тропеический. Для базовой лексемы гнезда – *смерть* – в диахронном отношении характерна тенденция к энантиосемии – в религиозном сознании смерть представляется как переход в новую жизнь.

Гнездо с корнем *mъr- в целом отражает общее представление славян о смерти и их отношение к этому явлению, оно охватывает как бытовую, так и церковно-религиозную, и мифологическую сферу.

Наиболее ценным для реконструкции этимологического гнезда и описания семантической эволюции оказался «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, так как он отображает не только лексику литературного языка, но и диалектную лексику, лексику русского языка XIX в. и лексику предшествующих эпох.

Список литературы:

1. Бабаева Е.Э. Кто живёт в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 94-106.
2. Горбушина И.А. Словообразовательное и этимологическое гнезда слов от праславянского корня *ter- в русском языке на славянском фоне: автореф. дис... канд. филол. наук: спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. М., 2016. 21 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. И-О. М.: Русский язык, 1998. 780 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Р-У. М.: Русский язык, 1998. 684 с.
5. Колесова И.Е. Динамика исторических корневых гнезд (процессы конвергенции и дивергенции в ИКГ с вершиной *-lei-): моногр. Вологда: ВГПУ, 2012. 256 с.
6. Маркова Е.М. Типология конвергентно-дивергентных отношений единиц праславянского лексического фонда в русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. М., 2006. 20 с.

7. Никифорова Е.Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: автореф. дис... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – русский язык. Волгоград, 2008. 25 с.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Textologia.ru [сайт]. 2018. URL: <http://ozhegov.textologia.ru> (дата обращения: 24.05.2017).

9. Пятаева Н.В. От лексического гнезда к генетической парадигме: к проблеме динамического описания лексической системы языка // Русский язык и культура речи. 2005. № 11. С. 115-121.

10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, Т. 1. А-Г. 1995. 577 с.

11. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). 2012. 728 с.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Макс Фасмер; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 2: (Е -Муж). 1986. 671 с.

13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3. изд., стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1: А-Пантомима. 621 с.

14. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Сост. О.Н. Трубачев и др. ; под. ред. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука. Вып. 18: (*matoga-*mekusьka). 1992. 255 с.

15. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Сост. О.Н. Трубачев и др. ; под. ред. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука. Вып. 19: (*mes'arь-*morzakъ). 1992. 254 с.

Сведения об авторах:

Захарова Юлия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия).

Мельниченко Елена Васильевна – бакалавр филологии, независимый исследователь (Хабаровск, Россия).

Data about the authors:

Zakharova Julia Georgievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language and Publishing Business Department of Pedagogical Institute, Pacific National University (Khabarovsk, Russia).

Melnichenko Elena Vasilievna – Bachelor of Philology, Independent Researcher (Khabarovsk, Russia).

E-mail: zug1977@inbox.ru.

E-mail: helena__@bk.ru.